

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Заметки об историческом романе и мемуарной литературе

Николай РАВИЧ

ФАКТ, МАСТЕРСТВО, ПРАВДА

Автору исторического повествования нужно не только изучить множество первоисточников, но как бы внутренне пережить все события эпохи, которой посвящено произведение.

Прежде всего необходимо понять основные движущие силы эпохи, диалектику событий. Затем из множества документов, мемуаров, устных свидетельств, деталей быта и наиболее ярких черт характера основных героев нужно отобрать главное. Самое сложное — начать самому жить в этой эпохе, страдать и радоваться со всеми персонажами и заставить читателя мысленно переселиться в прошлое. При этом никогда не следует забывать, что читатель будет рассматривать прошлое глазами сегодняшнего дня. И, наконец, последнее: работа над языком произведения, так сказать, магия слова, которая является результатом мучительного труда. Каков бы ни был характер трактуемого предмета, есть только одно настоявшее слово для его обозначения, одно прилагательное для его определения, один глагол для выражения действия — их-то и надо найти, не удовлетворяясь приблизительными понятиями.

Ученый рассказывает о фактах в их исторической последовательности. Писатель при помощи фантазии и творческой интуиции пытается их раскрыть и ответить на вопросы, которые ставит история. Это — задача. Насколько ее удалось выполнить, автор никогда не знает, ибо читатель требует от него не только достоверности фактов, но и художественного мастерства и психологической правды.

Белинский писал: «...Исторический роман есть как бы точка, в которой история, как наука, сливается с искусством; есть дополнение истории, ее другая сторона».

В самом деле, автор исторического романа не только восстанавливает прошлое по данным науки, но и заставляет своих вымышленных героев участвовать в событиях своего времени или, как выразился Пушкин, стремится к тому, чтобы романтическая проищность входило в рамку происшествий исторического.

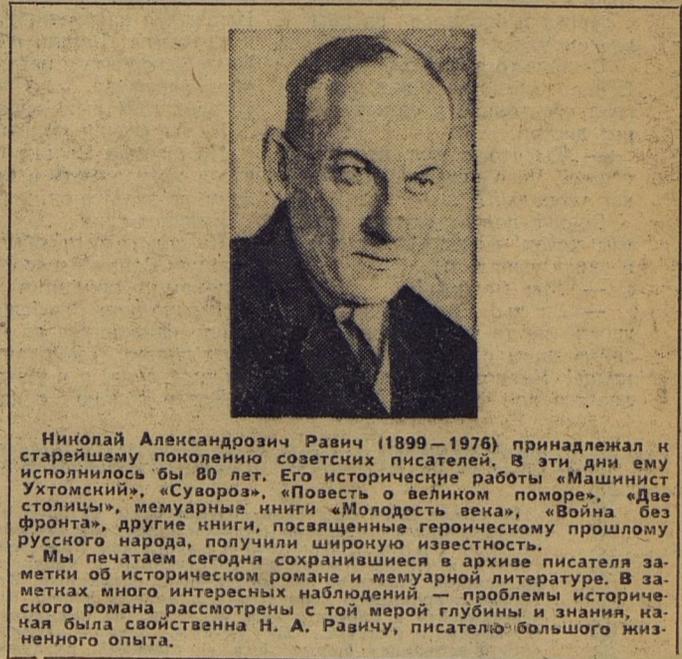
Далее, в изображении прошлого писатель не должен «ухудшать» или «улучшать» историю, короче, искажать ее. «Его дело, — как писал Пушкин, — воскресить минувший век во всей его истине». Важно также то, чтобы писатель умел показать историческую связь действительности сегодняшнего дня с важнейшими событиями прошлого.

Сложность исторического жанра в литературе очевидна.

Автор исторического романа должен быть одновременно и ученым-историком, и филологом, и, конечно же, хорошим литератором. Он должен знать всю обстановку эпохи, биографии всех своих действующих лиц, мельчайшие детали быта, наконец, всю документацию, относящуюся к этому времени.

В то же время первостепенной задачей автора является нарисовать яркую картину эпохи, иначе книга будет напоминать скорее сухое научное исследование, нежели литературное произведение.

Не следует упускать из виду и такой момент: речевую характеристику персонажей, которая бы усиливала колорит эпохи и была бы доступна современному читателю. В противном случае чрезмерная стилизация язы-

Николай Александрович Равич (1899—1976) принадлежал к старейшему поколению советских писателей. В эти дни ему исполнилось бы 80 лет. Его исторические работы «Машинист Ухтомский», «Суворов», «Повесть о великом повороте», «Две столицы», мемуарные книги «Молодость века», «Война без фронта», другие книги, посвященные героическому прошлому русского народа, получили широкую известность. Мы печатаем сегодня сохранявшиеся в архиве писателя заметки об историческом романе и мемуарной литературе. В заметках много интересных наблюдений — проблемы исторического романа рассмотрены с той мерой глубины и знания, какая была свойственна Н. А. Равичу, писателю большого жизненного опыта.

ка, его архаизация, злоупотребление местными речениями сделают произведение совершенно неудобочитаемым...

По моему, непрезойденный образец советского исторического романа — «Петр Первый» Алексея Толстого, особенно его третья часть. Язык в романе богат, народен, чист...

Настоящий писатель не подбирает протоколы событий, не пишет переложения общеизвестных фактов, не составляет хронологической описи — он исследует Человека. Лев Толстой писал о Мопассане: «Он обладал талантом, т. е. даром внимания, открывающим ему в предметах и явлениях жизни те свойства их, которые не видны другим людям...»

Компилятор, даже добросовестный, способен подобрать всю сумму фактов из биографии того или иного человека, однако нарисовать живой, объемный образ великой личности ему будет не под силу.

Биографический роман есть особый вид литературы, где основной темой является жизнь одного человека, написанная на основе точных исторических данных, но художественными средствами. Тут действует не историк, не ученый, но п и с а т е л ь.

Биографический роман должен быть исторически достоверен в общих оценках и характеристиках, в понимании духа эпохи, в изложении основных фактов биографии того, кому посвящена книга. В то же время писателю дано право своего понимания внешнего и внутреннего облика героя, его места в эпохе, своего понимания взаимоотношений между ним и другими людьми. Только при этом условии герой

биографического романа станет живым человеком, зримым в воображении читателя, а не мертвой, ходоульной фигурой.

Является ли этот жанр одновременно и научным? Несомненно. Ибо автор должен строго придерживаться научных данных и не может вводить вымышленных действующих лиц, не может описывать события, не происходившие на самом деле. В этом его трудность.

Потеря национальной памяти ведет к страшным последствиям. Горький писал: «...Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего». Когда мемуарист верен исторической правде, его воспоминания несут огонь из прошлого в будущее.

Мемуары даже более, чем другой вид литературы, требуют умения писать, то есть передавать читателю свои ощущения и впечатления от событий, в которых автор участвовал или свидетелем которых являлся. Тут нужны и полная характеристика исторической обстановки, и живо написанные портреты людей, и свой взгляд — индивидуальное отношение автора к фактам. Для того, чтобы мемуары приобрели силу воздействия, нужно мастерство художника. Я уж не говорю о правдивости, искренности автора. Там, где автор попытается затуманить других или что-то приписать в свою пользу, читатель это немедленно почувствует и перестанет ему верить. К тому же тут действует общий закон, что мысль вне формы существовать не может, а каждой мысли присуща ее единственная форма.

Должны ли быть мемуары всегда подкреплены документами, приказами и т. д.? Это иногда возможно, но далеко не обязательно...

...Если подходить с точки зрения чисто исторической, дневниковая форма всегда достовернее, ибо мемуары, написанные много лет спустя, нередко смешивают события, лица и времена. В мемуарах факты должны воспроизводиться на основании точной действительности. Тут домысел недопустим. Но для того, чтобы мемуары могли взволновать читателя, нужно мастерство художника. При этом мемуары — сложная форма, и тут нужны и полная характеристика исторической обстановки, и ярко написанные характеристики людей, и мелочи быта, и свой взгляд — словом, индивидуальное отношение автора к фактам.

Автор мемуаров всегда пристрастен. В них на первый план выступает лицо автора, его чувства и нерасположения, оправдание своих поступков. Образцом наиболее объективных мемуаров служат воспоминания Юлия Цезаря. Они также являются классическим, непрезойденным образцом того, как нужно писать военные мемуары, хотя с того времени прошло более двух тысяч лет.

Как правило, в мемуарах на первый план выступает лицо автора, и под внешней объективностью он стремится к оправданию своих поступков, иногда вопреки истине. Наполеон, Лафайет, Дюмурье, Савари, Бертрам Барер, Талейран, Меттерних — все лгали.

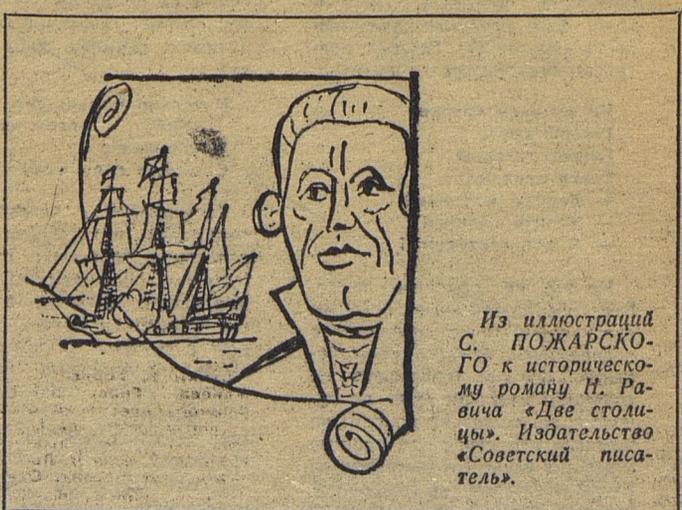
Мемуары Наполеона, Дюмурье и Лафайета в сравнении с их собственными депешами и письмами представляют умышленное искажение истории. Мемуары Мармона опровергаются приложениями к ним. Барер в своих воспоминаниях осуждает казнь Марии-Антуанетты, тогда как сам он был обвинителем на ее процессе. Таких примеров — множество. Следовательно, говоря о мемуарах, необходимо выяснить личность автора и степень доверия, которую заслуживают его сообщения.

Типичный недостаток многих мемуаристов: непонимание исторического процесса, отсутствие общей оценки событий — авторы не выходят из сферы личного приключения.

Часто авторы мемуаров прибегают к помощи профессиональных литераторов и журналистов. Литературная обработка до известной степени напоминает дублирование в кино: один актер раскрывает рот, другой за него произносит слова. Но ведь играть основную роль приходится автору мемуаров — отсюда несовершенство такого рода произведений.

Когда писатель заканчивает работу над книгой, он теряет власть над своим произведением, и оно начинает жить самостоятельно. Множество причин может обусловить успех или неудачу книги.

Бывает так, что писателю даже неприятно вспоминать о своем произведении, которое уже всеми забыто, но иногда книга, если она написана по-настоящему, с сердцем, переживает не только своего автора, но и его потомков. Потому что единственное, что остается после человека, — его дело.

Из иллюстраций С. ПОЖАРСКОГО к историческому роману Н. Равича «Две столицы». Издательство «Советский писатель».